

Тепло хрустальных роз

Орловец Валентин Демидов не знает цены своим работам – потому что их не продаёт. – Сам сделал, сам и радуйся, – по-доброму смеясь, говорит жена Валентину Фёдоровичу. – Вот если бы какой магазин твои работы купил, была бы вправду и дому подмога!

Как говорится, никто не герой перед своею женой. Даже генералиссимусы пасовали перед супругами, куда уж незнатному пенсионеру Демидову.

— Ну, жалко же расставаться, — виноватится мастер. — Ведь ни одну работу не повторить, каждая в числе единственном; как ты, дражайшая моя.

Домочадцы всё понимают, и жена с сыном, и невестушка с внучкой, уголок здесь хрустальный — в прямом смысле.

Пять диковинных роз, сделанных из плавкого горного кварца, смотрят на дружную семью благодатно и благодарно, зная, что ни одну розочку хозяева никому не отдадут ни за какие деньги.

— Молодцы, шестой год стоят; правильно отжёл, значит. А до того тюльпаны сделал, да с отжигом поспешил, внутреннее напряжение не так снял — и они наутро, уже готовые, остывшие, полопались. Вот тоски мне было...

Валентин Демидов к стеклянному делу приохотился на радиоламповом заводе, где наладчиком станков работал, а к заводским стеклодувам ради забавы заглядывал, забавных чёртиков выдувал. А потом уж профессиональным стеклодувом на «Научприборе» тридцать три года отбаранил, колбочки, пробирки и другую лабораторную посуду готовил.

В шестьдесят его, единственного заводского выдувальщика, на пенсию спровадили, не сказав спасибо. Потом, правда, спохватились, звали обратно,

поскольку новорыночные поставщики никак не хотели исполнять мелкотиражные орловские заказы: «Вам двадцать стеклянных деталей? Не-е, берите сразу тонну!».

Демидов на свой горе-завод не вернулся, он уже наладил дома муфельную печь, горелку — и стал художничать по-настоящему, вместо скучных колб начал из горячего кварца лепить, как из пластилина, всяческую живность.

— Кварц, если мелкий, не боится перепада температур. Остужу, потом алмазными кругами ещё колупаю, десяти миллиметровыми такими. Что, лупа? Нет, работа моя грубая, глаз так пристрелявши, по-Левшиному. Станочка со стружкой воды вполне для того хватает. А будь у меня что-то вроде зубной бормашины, тогда бы настоящая ювелирная работа пошла, я бы все радужные оболочки на глазах своих оленьчиков навёл...

Он грубой работой называет немислимые тысячи иголок на хрустальной своей ёлке, бесконечные ажурные на

хрустальной туфельке. Раскалённую кварцевую ниточку (говорит, из дециметровой заготовки можно вытянуть нить в двести километров) втрое, вчетверо скручивает, переплетает, пинцетом откусывает, одну с другой ловко перекрещивает.

Такой туфельки не было и у Золушки

— Надо кончить в один день, чтоб всю фигуру в отключённой печи за ночь остудить, это и есть отжиг.

Большие поделки исполняет частями, потом кончики плавит и склеивает. Простое стекло, из которого цветные фигурки лепятся, ещё капризней кварца, его на полминуты из горелки нельзя вытащить, сразу треснет. Так и сидит готовая волчья голова при жаре в полтыщи градусов, пока мастер ей тулово делает. Лапищи да хвостяру уже напоследок вкручивает.

Музыкальная школа попросила изготовить три призовых скрипичных ключа. Сделал, отдал, сожалеючи затылок почесал — и себе четвёртый наградной скрутил-выточил. Как его продать? Это же словно давнюю дневниковую страничку выдрать. Частица жизни уйдёт.

Сейчас с материалом проблема. Московский кварцевудувный завод сдулся, тот, что в Клину, купили чешские други, даже орловская фабричка, баловавшаяся новогодними шарами, кукует без цветного стекла.

— Москвичи увидели мои знаки Зодиака, говорят: нам на заказ такие сделай, крупно заплатим. Отвечаю, лучше кварц мне найдите, из чего делать. Не нашли. Поделки берёт сам, прикасаться не даёт — вдруг хрупнут под рукой моей невежественной. Розы, у которых резные листы-лепесточки разные по развороту, доверчиво даются хозяину.

У них прекрасная неувыдаемая судьба. Не жизнь, а житие.

Юрий Оноприенко

Оноприенко, Ю. Тепло хрустальных роз [Текст] / Юрий Оноприенко // Орловская правда. – 2012. – 7 августа. – С. 32.